

СЕРЁЖА В. ПАВЛОВСКИЙ

БАБУШКА НА ВОСЕМЬ
МИНУТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Серёжа В. Павловский

Бабушка на восемь минут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67590599

SelfPub; 2022

Аннотация

Получив по телефону странную просьбу о помощи от своего знакомого, главный герой нехотя соглашается её выполнить. Но, прибыв на место происшествия, выясняет – нужно помочь избавиться от тела...

Содержит нецензурную брань.

Серёжа В. Павловский

Бабушка на восемь минут

«Вспомни говно – вот и оно», – такими словами начнётся эта история.

Я сидел дома и читал про клитор, как вдруг у меня зазвонил телефон – это был Василий.

Обычный человек между этими событиями не увидит никакой связи, как на первый взгляд, так и на все последующие, но только не я.

– Что надо? – ответил я грубо на звонок, потому что Вася был очень некстати.

– Серый... Брат...

– Ну?

– Серёженька...

– Ну! Я слушаю, пизди, чё хотел.

Что за человек? Два раза произнёс моё имя, а уже успел заебать и взбесить.

– Чё делаешь?

– Делаю. Говори, что хотел, заебал, – по-другому с Васей было нельзя.

– Можешь зарулить ко мне на десять минут?

– Нахуя?

– Ну так, попиздим, чифирнём, одну хуйню покажу.

– Это срочно или терпит?

– Ыыыыы, – Вася издал какой-то нечленораздельный звук. – Не терпит! Скорей... очень заходи... надо срочно, – показалось, что Вася был не в себе.

– Ты чё, под бутиком? – прямо спросил я.

– Нет!

– А хули ты слова путаешь?

– У меня тут какая-то залупа случилась, – сказал Вася взволнованно.

– Что-то серьёзное?

– Хуйня, но без тебя мне не справиться. Пожалуйста, заходи.

– Ладно, жди.

Так вот, клитор. Где же связь? Вася – мой очень старый знакомый. Не могу назвать его своим другом, потому что он гондон. Хотя я знаю наверняка, что сам Вася считает меня едва ли не своим самым лучшим корешем. Но я уверен, это только потому, что у него больше нет никаких друзей.

Вася банчит, и этим всё сказано. Когда мы были мелкими, мы играли вместе в футбол во дворе и ходили в одну школу, только учились в разных классах. Потом мы выросли, но по-прежнему не переставали общаться, хоть и не так тесно, как в детстве.

А потом он женился на моей однокласснице Лене, которая тоже появится в этой истории, но чуть позже.

Когда мы были в шестом классе, Васе купили модную кожаную куртку со встречной складкой на спине. И Вася выёбывался этой курткой ровно два дня, пока кто-то из пацанов постарше не сказал: «Ха-ха, смотрите, у Васькá клитор на спине». С тех пор Васю называли Клитором в глаза и за глаза.

Не знаю, как он с этим справлялся, потому что прозвище, надо признать, очень обидное, но ничего уже не поделать. А с другой стороны, любое обзывательство обидное. Например, если человека будут называть сыкло – неприятно же. Даже если будут называть в шутку, всё равно приятного мало. Но и ведь если бы человека называли несыкло, тоже бы разницы никакой не было. А ведь, по сути, если к человеку обращаться «Привет, нехуйло! Как сам?», это же не будет являться обзывательством, но учтёт ли это тот, к кому так обратятся? Странная хуйня. Так что, если бы Васю называли не Клитором, а Неклитором, ему бы всё равно не понравилось и пришлось несладко.

Сейчас, когда прошло почти двадцать лет, мне кажется, это прозвище к нему приклеилось навечно...

С ума сойти, почти двадцать лет. Ебануться можно. Прошло столько времени, а я по-прежнему дурак дураком. Радует, что и Вася по-прежнему Клитор, хоть и женился и завёл пиздюка.

Я оделся и через десять минут был у него. Идти нужно было через двор в соседний дом.

– Показывай свою хуйню, – сказал я, пройдя в квартиру.

Вася провёл меня в зал и указал на диван:

– Вот она.

Я прошёл следом за ним и увидел на диване спящую бабку с блевотиной на лице.

– Ты чё, решил мне показать свою заблёванную бабку? – спросил я.

– Это не моя бабка, – ответил Вася.

– А чья?

– Хуй знает.

– А хули она делает на твоём диване?

– Мне кажется, она отъехала, – сказал Вася встревоженно.

– Хорош гнать, – я посмотрел на неё, считая, что это какая-то шутка, и засмеялся.

Бабка лежала с закрытыми глазами, её старая кофта также была в рвоте.

– Я серьёзно, ты поднеси палец к её носу, она не дышит.

– Да иди-ка ты на хуй с такой хуйнёй, понял? Хуй ты меня разведёшь на свой тупой прикол!

Ведь легко могло оказаться так, что я бы поднёс палец к бабушкиному лицу, а она бы тут же открыла глаза и гавкнула бы на меня так, что я бы насрал в штаны от страха. Или, например, укусила бы меня за палец. А Вася мог бы в это время не просто наблюдать, а снимать происходящее на видео, потому что, может, он ещё заныкал где-нибудь включённую видеокамеру. Хуй его знает, на что он способен и что у него

с головой.

– Серенький, дело серьёзное, отвечаю, – Вася выглядел, как взъерошенный попугай.

– Я пошёл домой.

– Сергуня, что мне с ней делать? Помоги.

– Выгони.

– Она же мёртвая.

– Тогда сначала воскреси, а потом выгони, – я снова засмеялся.

– Да хорош уже ржать. Ты чё, не вкуливаешь?

– Ты себя в зеркало видел? Ты же уёбанный в говно! Хоть бы бабули постеснялся. А что с ней, кстати, ей плохо?

– Да бабка, блядь, сдохла! Такая хуйня случилась, и я запаниковал, – Вася был суетлив.

– Ёбанный в рот! Откуда у тебя, блядь, на диванедохлая бабка? – я ничего не понимал.

– Да я, блядь, даже не знаю, как это случилось и как обо всём рассказать.

– Ты когда трезвый-то ебать какой трудный, а уж когда вмазанный, так это вообще пиздец. Рассказывай как можешь, – я разозлился.

– Короче, мы с Леной решили сегодня сгонять в кафе отметить годовщину.

– У вас сегодня годовщина?

– Да.

– Поздравляю!

– Спасибо. Мы не знали, с кем оставить мелкую, мои ручки соскочили, Ленины уехали, и Лена нашла объяву в газете: «Бабушка на час». Там суть в том, что приходит бабка, она может посидеть с ребёнком, хавки сварганить или даже хоть носки связать, только бабки бабке откашливай.

– Охуительно.

– Да. И мы её позвали. А Лена задержалась на работе и ещё не забрала мелкую из садика. А бабка уже припиздила.

– Эта? – кивнул я на тело.

– Да. Ну и короче, я ей говорю: «Вот, блядь, извините нас, пожалуйста, за такую хуйню, мы не знали, что так получится». А она: «Хуйня-война, подожду, хули мне будет». И я ей предложил чифирнуть. Кстати, чёфир будешь?

– Нет. Дальше рассказывай.

– А она говорит: «Я чайковским не балуюсь, а водички выпью». Ну и я попёрся на кухню за водой. Затупил и взял стакан с ликвидом и дал ей, она выпила и отъехала, – Вася был растерян.

– А чё, люсей можно передознуться? – я совсем не поверил в услышанную историю.

– Выходит, можно, – Вася пожал плечами.

– Хе-хе-хе-хе, – я засмеялся ещё громче. – Нахуй же ты в стакан с водой добавил ликвид?

– Мне дали товар передержать на два дня. Я не знал, куда его спрятать от мелкой, она же везде шарится, и положил его в морозилку. И забыл. Он там замёрз и превратился в лёд.

Я его достал, завернул в пакет и положил в стакан с тёплой водой. Видимо, когда он оттаял, кое-что попало в стакан. А бабушка всё выпила залпом и почти сразу же: «Ой, что-то мне нехорошо, где у вас туалет?» – сходила, проблевалась, а потом: «Ой, можно я прилягу? Ой, головушка закружилась». Легла на диван, снова блеванула и минут через восемь вообще окочурилась.

– Ха-ха-ха, – я продолжал смеяться, потому что был уверен, что Вася меня разводит и наёбывает. – А уёбанный-то ты чего? Или ты уже настолько пизданутый, что и по кафешкам расхаживаешь вмазанный?

– Да я же перессал, что сейчас сюда мусора прибегут, найдут у меня товар и прихватят. Я сначала решил всё спустить в унитаза, потом мне стало жалко, и я кое-чего схавал, а потом понял, что затупил ещё сильнее. Серёжка, пиздец меня мажет. Выручай, дядя.

– Ну ты и еблан, – сказал я, продолжая улыбаться.

Я повернулся к бабушке, она всё также лежала в той же самой позе, в какой и была, когда я зашёл. Я присмотрелся – дыхания и правда не было.

– Так ты чё, не пиздишь? – я, продолжая лыбиться, подошёл к бабушке, аккуратно поднёс указательный палец к носу и посмотрел на секундную стрелку настенных часов.

– Нет же! Я тебе отвечаю, братишка, всё так и было.

Я выждал минуту, затем ещё тридцать секунд. Дыхания не было. Я перестал улыбаться и положил ей два пальца на шею,

пытаясь нащупать пульс. Затем попытался нащупать пульс на её запястье. Его нигде не было.

До меня вдруг дошло, что я участвую в чём-то пиздецовом и ебанутом настолько, что все мои предыдущие приключения – хуйня из-под коня. Меня словно ударило током, и я подскочил от ужаса.

– Ты чё, охуел? – я закричал. – Нахуй ты меня сюда позвал, долбоёб! Нас же теперь вместе прихватят за убийство!

Я схватил бабуку за плечи и стал её трясти изо всех сил:

– Бабуля, ну-ка очнись, хорош кемарить, ау, алё!

– Так я же тебе сказал: «Залупа случилась». Я тебя позвал, чтоб ты мне помог. Я ведь даже не знаю, как оказывать первую медицинскую помощь, – мямлил Вася.

– А я-то, блядь, откуда знаю? – кричал я, продолжая трясти бабуку за плечи. – Залупа? Ты это называешь «залупой»? Да это же полный пиздец, а не залупа! Ну ты и мудака, Вася! Нахуй ты меня так подставил?!

– Я ведь ваще ни хуя не соображаю, меня плющит, Сержик. Помогай!

– Конечно, блядь, тебя плющит! Ты же в говно! Вместо того, чтоб уёбываться и звать меня, лучше бы позвонил в скорую, сука, пидорас!

– Да какая скорая? Менты же приедут и прихватят!

– Так тебе и надо. Когда придёт Лена?

– Не знаю, она позвонит.

– Ну ты и дебил!

– Да чего ты ругаешься? Не кричи и не пали квартиру.

– ДА ТЫ СОВСЕМ, ЧТО ЛИ, ЕБ... – на секунду я за-
ткнулся, потому что до меня дошло, что таким темпом об
этом совсем скоро узнает весь дом, и поведаю обо всём этом
я своим криком. Я выпустил пар и продолжил громким шё-
потом: – Ты совсем, что ли, ебанутый, твою мать, хуйло?!

– Да чего ты ругаешься? Хватит уже обзывать. Всё рав-
но уже всё случилось и ничего не изменишь. Сейчас погуг-
лим, выясним, что нужно сделать, и оживим старую, – Вася
грыз ногти, потел и часто моргал. – Я видел в кино, можно ей
вколоть адреналин, она отдуплится и будет как новенькая.

– У тебя есть адреналин? – спросил я.

– Где-то был, я не знаю, – Вася уже почти отсутствовал.

– Эй-эй, – я подошёл к нему и пощёлкал пальцами у него
перед носом, затем отвесил ему солидную оплеуху, – ты ещё
мне тут отъежь. Кладбища только, блядь, не хватало.

– За что ты меня сейчас ударил? – Вася был вялым.

– Муха, – сказал я и снова вернулся к бабуле. – Блядь!
Давно она отъехала?

– Не помню...

– Когда ты мне звонил, она уже не дышала?

– Да, вот только она крякнула, я сразу тебя набрал.

– Конечно, кому ещё люди звонят в таких случаях? Только
мне.

Я достал телефон, посмотрел на время звонка и посчитал:
с момента остановки сердца прошло примерно двадцать ми-

нут.

– Тащи свой адреналин, только быстро. Может, ещё всё получится.

Хотя я совершенно не знал, что такое адреналин, для чего он нужен и уж тем более – как им пользоваться, кино-то я тоже смотрел и верил в лучшее, потому что надежда умирает последней. Вася пошёл искать своё и бабушкино спасение, а я, чтоб не терять времени, начал снова трясти тело и говорить с ним.

– Алё, бабуля, давай очухивайся, всё хорошо, скоро твой любимый сериал начнут показывать, просыпайся, а то всё пропустишь. Бабуля, ёптать! А ну просыпайся, харэ залипать, кислотный диджик! – ничего не вышло, и я решил попробовать, как мне показалось, самый действенный и радикальный способ. Я схватил её за плечи, начал трясти ещё сильнее и закричал: – Бабуля, бабуля, война началась, фашисты с исламистами объединились и вот-вот раком поставят всю нашу необъятную. Быстро вставай! – похуй. – Сука! – я со всей силы ударил кулаком по дивану.

Вернулся Вася, в руке у него был шприц и какой-то бутылёк.

– Кажется, нам нужна вот эта хуйня, – Вася протянул мне всё, что принёс.

– Нееееет, – я не стал ничего брать из его рук. – Ты её захуячил, тебе и воскрешать.

– Да я же гашенный, Сергуня. У меня не получится, – Вася

продолжал мне совать в руки шприц.

– А меня ебёт? Я и так уже участвую в этом говне, давай-ка сам.

– Блядь! – Вася мялся и не знал, что делать. – Ну хоть помоги её спустить на пол.

– А на диване, что ли, никак?

– Да лучше на полу, чтоб она лежала на твёрдой поверхности.

– Блядь!

Мы с трудом стащили мёртвую бабушку на пол. Вася трясущимися руками зарядил шприц и прицелился.

– Давай ещё руки ей в стороны разведём, чтоб я не промахнулся и не попал ей в плечо, – сказал Вася.

– Хорошо.

Я быстро поднял левую руку бабули, сделав из её тела букву Г.

– Теперь вроде норм, – Вася был совершенно не уверен и не готов действовать.

– В кино чуваки метили прямо в сердце, пробивая ударом грудак, – сказал я.

– Это я помню, ща попробую.

С Васи текло в три ручья, руки тряслись, он не переставал моргать глазами и шмыгать носом. Подняв правую руку с заряженным шприцем, Вася замер. Можно было подумать, что в этот момент остановилось время, но секундная стрелка на настенных часах хуярила так громко, что, казалось, её было

слышно даже на улице.

– Да ебашь уже, чего ты ждёшь, – не выдержал я нервного напряжения.

Вася размахнулся и со всей силы воткнул шприц в... пол. Наступила неловкая пауза, которую я нарушил истеричным смехом.

– Ха-ха-ха-ха, какой же ты мудила, Вася! – я упал на пол. – Ха-ха-ха-ха.

– Блядь, я же говорил, надо было тебе колоть, я вообще в говно.

– Ты оживил пол, – я продолжал громко смеяться и кататься по полу. В какой-то момент мне даже стало Васю немного жалко, потому что в теории-то у нас всё должно было получиться, но немного не повезло. – Ну посмотрим, может, пол чего подскажет, раз он теперь живой и умеет разговаривать.

– Да ни хуя не смешно! Если меня прихватят за убийство, я тебя тоже сдам, понял? Ты мне сейчас вообще ни хуя не помог!

– Ты чё, блядь, охуел? – я тут же перестал смеяться и испытывать к Васе жалость. – Я вообще не при делах. Хули я должен идти паровозом?

– Я тебе говорил, чтоб ты сам колол, я вообще ни хуя не вижу, – сетовал Василий.

– Ну ни хуя себе. Ты долбоёб, а я виноват. Так, что ли? Пошёл ты на хуй, гондон!

– Что ещё можно сделать?

– Я ебу? – Васин настрой меня посадил на очко. – Можно попробовать искусственное дыхание, если не противно, она же вся в блевотине, можно сделать непрямой массаж сердца, но вряд ли это поможет, если она уже давно лежит. А ещё можно попробовать её выебать, хуже точно не будет.

– Ты серьёзно?

– Про массаж сердца?

– Нет, про выебать.

– Конечно, серьёзно, – сказал я. – Только ебать надо конкретно, чтоб она очнулась от неестественного оргазма. Иначе говоря, ты должен подарить бабке с неба звезду.

– Бля, ну у меня в таком состоянии вообще не встанет, – грустно произнёс Вася.

– Ты чё, всерьёз решил, что это поможет?

– Ты же так сказал.

– Да я же гоню, ты чё.

– Бля, пиздец, а я повёлся.

– Потому что ты ведро!

– Сам ты ведро! Давай загуглим, что можно сделать?

– Так давай, давно пора. Где у тебя комп?

– У меня его нет.

– У тебя нет компа?

– Был ноут, он сломался, а новый мы не стали покупать.

У жены планшет, у меня смартфон, комп пока не нужен.

– Тогда гугли, блядь, сам в своём смартфоне.

– Да я же вообще никакой, Серёжка.

– А я, блядь, знать не знаю, как пользоваться смартфонами! – я достал из кармана свой наркофон и показал его Васе. – Снова я виноват, что хожу с такой дешманской трубкой, да?

– Бля, тогда щас голосовым поиском воспользуемся, хуйня, – Вася начал что-то нажимать на телефоне, затем протянул его мне. – На, вот щас пиздани.

– А хули снова я?

– У тебя дикция.

– А что говорить-то?

– Да хуй знает. Что-то типа: «Окей, гугл, вся хуйня там, тоси-боси, хуё-моё».

– Хуй с тобой! – я взял телефон, зло посмотрел на Васю и раздражённо произнёс в трубку: – Окей, гугл! Как, нахуй, воскреситьдохлую, блядь, старуху?

Наступила пауза, поисковик немного подумал, после чего ответил:

– Я вас не понял.

– Говно твой поиск! – я вернул смартфон Васе.

– Да, бля, потому что не надо было на него кричать матом, – раздосадовано сказал Вася.

– Так я снова пидорас? – мне захотелось ещё раз ударить Васю, только на этот раз не для приведения его в чувства, а потому что он заебал. – Я тоже, блядь, охуел не меньше тебя, понял?

– Ну а чё ты хуйню какую-то несёшь? Выебем, пол ожи-

вил... Ты не помогаешь, а делаешь только хуже.

– Я делаю только хуже? Куда уж хуже? Сука! – я двинулся к Васе, чтоб въебать ему, как вдруг мы услышали чей-то голос.

– Васёк, ты дома?

– Блядь! Это ещё кто? – спросил Вася шёпотом и присел от испуга.

– Это, блядь, Дима, ёпты, кто это, – ответил я также шёпотом.

– Это ты его позвал? – спросил Вася.

– Ты ебанутый? Нахуй он мне нужен?

– А как он зашёл? Ты чё, не закрыл дверь, когда заходил?

– Я, блядь, гость, хули я должен закрывать твои двери? Я в рот не ебу, как она закрывается, – зло прошептал я.

– Васёеёёк? Есть кто? – ещё раз донеслось из прихожей.

– Да, да, Димась, мы тут, проходи, братишка. Только дверь закрой, – крикнул ему Вася.

– Хоккей, – ответил Дима.

– Нахуй ты его пригласил? – спросил я.

– А чего? Пусть будет, он клёвый тип.

– Дима, ну-ка пошёл отсюда на хуй! – выкрикнул я из комнаты.

– Это у кого там, блядь, зубов много? Серёга, ты?

– Я, а теперь, дядя, уёбывай подобру-поздорову, – ещё раз злобно выкрикнул я.

– Ты чё такой выёбистый, братан? – донеслось ещё ближе,

и стало понятно, что он уже прошёл в квартиру.

– Потому что тебе же будет лучше, – начал я, как вдруг его фигура появилась в дверном проёме, – не участвовать в этой хуе... братан.

– Дарова, пацантрэ... О! А чего это за тело? – Дима так и остался стоять в дверном проёме.

– Это как раз то, во что я не хотел тебя вмешивать, посылая на три буквы, – сказал я.

– А чё с ней?

– Отъехала, – сказал Вася.

– Так бы и сказал: «Дима, у нас тут жмур!», а то: «Пошёл на хуй, уёбывай отсюда».

– Дима, у нас тут жмур! – сказал я.

– Красава, совсем другой коленкор. А от чего она отъехала? – снова спросил Дима.

– Вася её по затупу люсей напоил.

– Ха-ха, чё, в натуре? – хохотнул Дима.

Вася медленно закивал.

– Ты напоил свою бабушку люсей? – переспросил Дима.

– Да это не моя бабушка! – воскликнул Вася.

– А чья?

– Похуй уже, – махнул Вася рукой.

– А чё, люсей можно передознуться? – не унимался Дима.

– Как видишь, – ответил я.

– А ещё лизер есть? – спросил Дима.

– Неа, – Вася отрицательно помотал головой.

– Чё ты пиздишь?

– На халву нет, – ответил Вася. – Чего хотел? Почему без звонка?

– Да просто так зашёл, мимо проходил. А ты чего уёбаный? – продолжал свой допрос Дима.

– Он зассал, что его прихватят с наркотой и трупакон, и захавал свой товар, – объяснил я ситуацию.

– Ха-ха-ха, – громко засмеялся Дима. – М-да, попали вы, фраерки.

– Хули ты ржёшь? – спросил я. – Ты тоже попал.

– Охуел, что ли? – Дима грозно на меня посмотрел.

– Вася сказал, что сдаст нас, если мы ему не поможем.

– Неее, – пошёл Вася в отказ. – Димасика я сдавать не буду, он же свой браток.

– Ни хуя себе! – воскликнул я. – Тогда я сдам Димасика, если ты сдашь меня!

– А по еблецу не хочешь получить за такой базар? – Дима направился в мою сторону.

– Давай, – сказал я, резко вытащил нож из кармана джинсов, лихо его раскрыл и произнёс: – А я тебя пока на ремни порежу! Устроит такой расклад?

– Бля, пацаны, ну чё вы как эти, – вмешался Вася. – У меня и так тут уже один жмур киснет на нарах, вы мне ещё мокруху подкиньте.

– Чё за дела? – Дима быстро завёлся.

– Я не знаю, ты мне скажи. Хули я должен это говно в

одну каску хавать? Если меня повяжут, я скажу, что вы оба замохорили старуху и гоните на меня.

– Да нахуй кого-то сдавать? Я же вмазанный, Сергуня, прости, братишка. Я сам не знаю, что несу. Я больше не хочу на кичу, я своё почалил.

– Никто не хочет, – ответил я. – Чё ты там почалил? Полгода? Хуйня!

Да, Вася как-то заехал несколько лет назад. Тогда Лена была ещё беременной. И её родочки, которые, кстати сказать, при бабле, чтоб не оставлять пиздюка без отца, а Васе светило от трёх до десяти, продали свою хату в другом городе, куда приезжали на лето. Они продали хату и отгрузили всё адвокату, который подкупил судью. Или я не знаю, что он там сделал, но схема явно налажена, потому что вместо десятика Васе дали три года условно, которые уже закончились.

Но Васю, как показывает время, жизнь ничему не научила, потому что он по-прежнему занимается тем же, чем и раньше. Да и, если не наёбывать себя, меня жизнь тоже ничему не учит, потому что по-хорошему с Васей надо было рвать любую связь ещё с того момента, как его прозвали Клитором.

– Давайте успокоимся, – сказал Вася.

– Пошёл ты на хуй, Вася! – закричал я. – Знаешь, что? Чем бы это всё ни закончилось, я тебя больше не знаю, по-

нял? Я тебе скажу даже больше: я вообще теперь всех Вась буду обходить за километр, потому что вы все ебанутые. И если у меня когда-нибудь будут дети, я, блядь, не просто их не назову Васями, я, блядь, буду следить, чтоб у них не было друзей по имени Вася. А если, блядь, они появятся, я со своими детьми проведу нехуйскую беседу о вреде Василиев в обществе и строго накажу, чтоб держались от них, нахуй, подальше. Даже если Вася, блядь, окажется в одной группе детского садика или в одном, нахуй, классе, я буду переводить своих детей в другой садик и школу!

– Хе-хе-хе-хе, – засмеялся Дима после моего выступления.

– Ну садик-то сейчас не так-то просто получить, – вставил Вася.

– А мне похуй! Значит, пиздюки будут сидеть дома, лишь бы с Васей не тусить! – я махнул ножом так, что чуть не отрезал Диме ухо.

– Поаккуратнее с лезвием, дядь, – кивнул Дима на мой ножик.

– Извини, братан, – я его сложил и убрал в карман.

– А давайте так, – начал Дима, – Васёк меня чем-нить подогреет, а я вам помогу избавиться от тела.

Немного о Диме.

Дима был обычным уголовником по прозвищу Болт. Когда-то отмотал трёшку и после отсидки продолжает зани-

маться каким-то криминалом. Тоже наш ровесник, тоже ходил с нами в одну школу и тоже играл с нами в детстве в футбол во дворе. Больше я о нём ничего не знаю, кроме того, что его не стоит называть Болтом, с ним не надо связываться и не надо иметь никаких общих дел. Потому что ну его нахуй, дурака! Лучше ему вообще не попадаться на глаза: нагрузит, и пиздец.

– Да не надо ни от кого избавляться, её надо воскресить, – настаивал на своём Вася.

– Да она, блядь, уже остыла, поздно воскрешать. Надо думать, как её отсюда вытаскивать, – советовал Дима. – А где Лена с мелкой?

– Скоро будут, она должна позвонить, – ответил Вася.

– Ну так чего? – Дима ждал.

Я молчал.

– Ладно, но на много не рассчитывай. Только на дорогу шустрого, – решил Вася.

– Без бэ, нормас, – кивнул довольный Дима.

– Охуенно! – воскликнул я. – Что нам стоит, блядь, дом построить? Давайте все уебёмся наркотой, сейчас же самый подходящий момент!

– Ты вообще предложил выебать бабку! – парировал Вася.

– Ха-ха, – заржал Дима. – А чего, тема же! Какая ей уже разница?

– На, – Вася протянул Диме свой смартфон, – погугли про

непрямой массаж сердца, как он делается, а я сейчас вернусь.

– Хоккей, – Дима взял трубку. – А чего это у вас баян торчит в полу?

– Забей.

– Ладно. Что вы делали? – спросил он, ковыряясь в телефоне.

– Мы пытались через голосовой поиск найти, как сделать ебучий массаж, но телефон ответил, что он нас не понял, – сказал я. – Я такими трубками пользоваться не умею, а Вася в говно и ничего не соображает.

– Ха-ха-ха, – Дима засмеялся.

– Что смешного?

– Вы два мудака, вы, походу, даже в интернет не вышли. Это, блядь, был поиск по телефону, понимаешь? Это он вам сказал, что он вас не понял, потому что он-то тем более не при делах и не ебёт ни хуя.

– Да и хули уже теперь, если тело и правда остыло? Надо думать, что делать с трупом.

– Я предлагаю расчленить старуху и выбросить на помойку, но перед этим чего бы её действительно не выебать? Бабка-то, я смотрю, вполне себе ничего, ещё трахать и трахать, только блевотину вытереть и вперёд.

– Ты совсем, что ли, ебанутый?

– А чё такого? У меня на зоне и этого не было.

– Куда ты её собрался трахать?

– В овечьи муди, блядь! Что за вопрос? В пизду, конечно!

В её седую розу.

Я посмотрел на мёртвую бабушку. Она лежала на полу с оттопыренной левой рукой в заблёванной кофте. Именно в этот момент мне стало её так жаль, что я даже захотел поменяться с ней местами. Или я так подумал, потому что, может быть, мой труп тоже захотят выебать в мою седую розу? Как бы там ни было, а отъехала она донельзя криво. Мне хотелось верить, что она сейчас проснётся, откроет глаза и охует от происходящего. Мы её успокоим, что-нибудь напиздадим, и всё закончится хорошо. Но тело было бездвижно.

– Да не надо никого ебать в овечьи муди, – в комнату вернулся Вася. – На, – он сделал небольшую дорожку на столе и протянул Диме трубочку.

– О, забега, – Дима нагнулся и махом всё вынюхал. – Аааа, сука! Ништяк! От души, братишка.

– А ты бырика не хочешь? – спросил меня Вася.

– Нет, у меня от него не стоит, – ответил я.

– У всех не стоит, – сказал Дима. – И похуй! Так, понеслась пизда по кочкам! – он хлопнул в ладоши и потёр их друг о друга. – В общем, момент, когда её можно было привести в чувство, мы проебали. Теперь надо думать, как быстро и аккуратно расчленить тело и вывезти его на свалку... или в лес.

– Да не надо никого расчленять! – упирался Вася. – Она же пришла из какого-то агентства, её хватятся.

– Из какого агентства? – не понял Дима. – Кто это вообще,

блядь, такая?

– Неважно, – махнул я рукой. – Я сам не до конца воткнул, что это за бабуля.

– Да бабуля, – начал Вася, – это бабушка на... – в этот момент зазвонил Васин телефон. – Бляяядь, – Вася взял телефон в руки и не решался отвечать на звонок, телефон пел, – Лена.

– Отвечай, чё мозга ебёшь? – сказал Дима.

– На, ты ответь, – Вася протянул мне трубку.

– Хуй тебе! – ответил я.

– Дай я с ней попизжу, – Дима выхватил телефон из Васиной руки и ответил: – Алё, Ленуль, привет! Это Димас. У нас тут с Васей случилась кое-какая хуерага, ты бы пока погуляла где-нибудь с мелкой, а мы решим вопрос. Что? Чего ты орёшь-то сразу? Да всё нормально. Что? Тут стоит. Сейчас дам, – он протянул Васе трубу. – Тебя.

Вася взял телефон:

– Алё. Да ничего не случилось, всё хорошо. Зинаида Григорьевна? Тут. Да ничего с ней не случилось, приходи и сама всё увидишь. Хорошо, жду, – он отключился. – Мне пиздец.

– Ага, – кивнул я. – С Зинаидой Григорьевной ничего не случилось, только заблевала всю комнату и отъехала. Подумаешь, с кем не бывает.

– Да ничего тебе не пиздец, братан! – подбадривал Васю Дима. – Сейчас что-нибудь придумаем. – Серёга, подключайся, не молчи.

– Да я уже по уши подключился. Может, я лучше домой попиздую, а вы тут без меня справитесь? – не хотелось пересекаться с Леной.

– Никто никуда не идёт, чё ты гонишь! – завёлся Дима. – Мы решаем проблему!

– Раз бабка сдохла, тогда надо думать почему, – предложил Вася. – Чтоб всех наебать, надо придумать, почему она отъехала.

– Заебись, – сказал я. – А вскрытие типа не покажет, что она люсей передознулась, да?

– Бля...

– Слушай, а я вот тут подумал, – начал Дима. – Я как-то смотрел видос, там один мужик перед тем, как двинуть кони, смешно перданул. А бабка пёрнула перед смертью?

– Ха-ха-ха, – я истерично заржал.

– Да идите вы оба на хуй, – обиделся Вася. – Зря я дал тебе кроссовки побегать.

– Ну чего ты, сказать, что ли, не можешь? – доканывал его Дима. – Так чё, старая проперделась, нет?

– Да откуда я, нахуй, знаю, я в это время был на кухне и не видел момента, – отмахнулся Вася.

– Кстати, а давай чифирнём! – предложил Дима.

– Давай. Сержик, чайковского будешь? – спросил меня Вася.

– Нет, – буркнул я. – У тебя тут по всей хате наркота заныкана. Не хочу отъехать, как эта бабуля. И не удивлюсь, ес-

ли у тебя и в наркоте наркота заныкана.

– Ха-ха-ха, – засмеялся Дима.

Вася ушёл на кухню. Я смотрел на труп и думал, чего бы такого могло произойти, чтоб бабка взяла и отъехала. Я повернулся к Диме, он сидел на диване и медленно гладил свою голову двумя руками.

– Ты решил себе замутить массажик для разгруза? – спросил я.

– Аааа, заебись, – Дима был расслаблен. – У меня голова из резины, бля буду. Потрогай, братан.

– На, – в комнату вернулся Вася и протянул Диме кружку.

– Что это за хуйня? – Дима сделал глоток.

– Чай, блядь, – ответил Вася.

– Я думал, ты меня в натуре чёфиром угостишь.

– Да я ебанусь его в таком состоянии заваривать.

– Такую хуйню пей сам, – Дима поставил кружку на шкаф.

– Сунь хуй в чай, вынь – пей сам, – зачем-то добавил я.

– Ну что, какие идеи? – спросил нас Дима.

– У меня никаких, – Вася взял кружку с чаем и отхлебнул. – Аааа, ништяк чайковский, ням-ням.

– Серый, брат, у тебя есть чего?

– Есть! – неожиданно для себя ответил я. – Давайте на-срём бабке в горло и пропихнём говно подальше к желудку.

– Ха-ха-ха-ха-ха, – Дима засмеялся так громко, как только мог. – Бляяяя... ха-ха-ха-ха. Я такую хуйню даже под ширевом не придумаю. Ха-ха-ха-ха.

– Может, – продолжал я, – если бабка будет вся в говне, то и до вскрытия не дойдёт. А если дойдёт, как знать, вдруг за запахом говна и люсю не заметят.

– И это я ещё после всего мудила? – спросил меня Вася.

Дима продолжал громко смеяться.

– Я хоть что-то предложил, – сказал я.

– Да твоя тема, блядь, равносильна никуды, – Вася снова обиделся.

– Извините меня, пожалуйста, блядь, товарищ Кликтор-объебос, – пропищал я. – В следующий раз, когда ты захуяришь бабку лизером, я подготовлюсь и выдам что-нибудь более стоящее.

– Да, блядь, можно же... – начал Вася, но его прервал звонок в дверь. – Ну всё, пиздец, приплыли.

– Опа, ни хуя, – Дима подскочил, – так, собрались. Ща всё разрулим, не ссы.

– Пойдёмте со мной дверь откроем, – попросил нас Вася.

– Пошли, – легко согласился Дима.

– Я подожду здесь, – откликнулся я.

Дело в том, что мне никогда не нравилась Лена. Не потому, что она мне когда-то не дала или что-то ещё. Между мной и ей вообще ни хуя никогда не было. Но иногда такое бывает, человек тебе вроде ничего не сделал, ты ему тоже, но у вас друг к другу взаимная неприязнь, и хуй знает почему.

Вася с Димой открыли дверь и начали что-то наперебой чесать Лене, но она же не первый год замужем за Васей, поэтому сразу же просекла поляну.

– Так, роднуля, посиди пока с дядей Димой на кухне, а я схожу посмотрю, что там случилось у папы, – услышал я голос Лены.

– Привет! С годовщиной! – сказал я, когда она появилась в дверном проёме.

– Прив... Что? – она увидела мёртвую «бабушку на час» и охуела так, как никто из нас троих и представить себе не мог. – Вы что, совсем уже... – начала она кричать.

– Тихо! – прикрикнул я. – Чё ты орёшь? Не привлекай внимание соседей.

– Это что, Зинаида Григорьевна?

– Йеп, – кивнул я.

– Что у вас тут произошло, имбецилы? – зашептала Лена сквозь зубы.

– Лен, у нас тут кое-какая накладочка случилась, – начал Вася.

– Что с ней? – ещё раз спросила Лена, указав на бабушку.

– Отъехала, – сказал Вася.

– Ты это называешь «кое-какой накладочкой»? – было видно, как Лену распирало от злости настолько, что она была готова лопнуть или откусить себе сначала рот, а потом ухо.

– Ты права, босяцкая накладка, – поправился Вася.

– Так, ну-ка заткнулся нахуй! – крикнула она на мужа. –

Ты, – обратилась она ко мне, – рассказывай.

Я быстро раскачал Лене, что случилось, не забыв объяснить, почему в полу торчит огромный шприц, и закончил тем, что мы как раз ломали голову, что бы такое придумать, чтоб можно было вызвать скорую.

– Разве люсей можно передознуться? – не поверила Лена.

– Результат на полу, – ответил я.

Лену трясло то ли от ярости, то ли от страха, она помолчала несколько секунд, затем развернулась и как уебала Васе. От удара он попятился назад, споткнулся о мёртвое тело и упал прямо на бабулю, слегка её помяв – выглядело очень смешно, отвечаю. Но в той ситуации почему-то никто из нас не засмеялся, даже наоборот – мне захотелось насрать в штаны от испуга.

– Быстро встал, взял своего дружка-зека и валите гулять с мелкой, пока мы тут не решим, что делать, – Лена схватила себя за голову и уставилась в пол. – Ты тоже под кайфом? – спросила она меня.

– Нет, я здесь самый адекватный, – ответил я.

– Он предложил выебать бабуку и насрать ей в рот, – сдал меня Вася.

– И выебать, – добавил Дима, пришедший с кухни.

– Да-да, я сказал про «выебать», – кивнул ему Вася со смешком.

– Э! – я ничего не успел ответить в своё оправдание.

– Ты чего сюда припёрся? – зашипела Лена на Диму. –

Ну-ка быстро вали к мелкой на кухню! Не дай бог она сюда зайдёт и увидит труп.

Она вытолкала Диму, затем посмотрела на меня и, видимо, хотела дать оценку моим предложениям, но перевела взгляд на мужа, схватила его за шкирку и потащила за собой.

Они вышли в коридор и стали о чём-то переговариваться вполголоса. Я не смог разобрать их бубнёж, но было ясно, что Лена собирала пиздюка, а затем выпроводила всех троих на улицу. Через несколько минут она вернулась в комнату.

– У нас есть полчаса, чтобы придумать, что случилось с Зинаидой Григорьевной. Ровно через столько мы должны вернуться с Васей из кафе.

– У тебя удивительно борзый и бесстрашный метод общения с уголовниками, – сказал я ей. – Но лучше бы ты выгнала меня, потому что мне не повезло – я оказался не в то время, не в том месте и очень хочу домой.

– Стоять! Ты мне сейчас будешь помогать здесь, – Лена взялась командовать.

Наверное, вот почему она мне никогда не нравилась. Она всегда любила командовать, не умея при этом командовать. И из всего, за что она бралась и что пыталась сделать, получалась редкостная залупа.

– Не нагнетай, и без тебя хуёво, – отмахнулся я от неё.

– Что вы тут, утырки, учудили? Совсем уже все ебанулись от своей наркоты? – закричала на меня Лена.

– Ты хули такая языкастая? – мне совсем не понравилось

выслушивать ор за чужие косяки. – Да я даже пивандрий не употребляю, потому что нахуй не впёр, не моё. Я, блядь, как стекло, поняла? И нахожусь здесь, потому что твой непутёвый муженёк меня люто подставил.

– Тогда думай, что нам сказать скорой! – закричала Лена.

Очевидно, что она была такой наглой благодаря своему папочке. Но как её папочка допустил, чтоб дочка связалась с гопотой типа Васи, – загадка. Может, Васе даже не пришлось ссать ей в уши, чтоб завалить, потому что Вася тряпка и каблук, а Лене, получается, больше ничего и не надо. Не удивлюсь, если они и трахнулись лишь однажды.

– Думаю! Не ори! – мне ничего не приходило в голову. – А ты вообще в своём уме? Отправила пиздюка на улицу с двумя уёбанными наркоманами!

– Вася смотрит за мелкой, а Дима смотрит за Васей. Они оба знают: если с мелкой что-то случится, им обоим пиздец. И не называй мою дочь пиздюком, урод!

– Я же без злого умысла.

– Мне всё равно. Чтоб я больше этого не слышала!

– «Урод»? Иди-ка ты на хуй, Лена! Я, блядь, вообще должен быть сейчас дома и дрочить на еблю с собаками, а не участвовать в этой ебельне. Сейчас допиздишься, и я отсюда свалю. Усекла, тупая ты сука?! – я сильно разозлился.

– Не называй меня тупой сукой, дебил хуев! Вали куда хочешь, только знай, если нас всех посадят, я тебя тоже сдам. Скажу, что это ты убил бабуку, сучий хер!

– Что? – я не знал, что сказать. – Да ты... просто... мерзкая манда и подлая тварь! Вы, блядь, с Васей друг друга стоите.

– Пошёл на хуй!

Мы замолчали, отдышались, и через полминуты я продолжил:

– Ладно, я останусь, но я буду называть твою дочку пиздюком, потому что мне, например, противно слушать, как вы её постоянно зовёте мелкой.

– Моя дочка, как хочу, так называю. И не торгуйся мне здесь, – она замолчала. – Ну, варианты, вундеркинд? Не слышу. Три-четыре, начали!

– Думаю!

Я пытался вспомнить всё, что успел прочитать про клитор, как будто это могло меня спасти, но всё, что я запомнил, – вообще ничего не запомнил, и клитор у меня по-прежнему ассоциировался с Васей.

– Ну? – напирала Лена.

– Короче, у нас есть жмур, – начал я рассуждать вслух. – Это мёртвая «бабушка на час». Она умерла, потому что перехлебала ликвида. И мы не можем вызвать скорую, потому что боимся вскрытия, которое покажет, что бабка умерла от передоза ликвидом. Значит, нам надо вспороть ей пузо, посадить туда твоего пиздюка и сказать, что бабка его съела, а мы её захуячили, распотрошили и спасли бедную девочку. Тогда никто не будет делать вскрытие и искать в её ор-

ганизме наркоту, потому что будет понятно, что она умерла от вскрытия. Как чукча, – закончил я. – «Красную шапочку» читала? Надо работать по её классической фабуле, вдруг прокатит.

– Ты... ты это серьёзно? – Лена буквально вспоминала слова, потому что, похоже, мой вариант лишил её дара речи.

– Не благодари, – махнул я рукой.

– Не смей вмешивать в это моего ребёнка, долбоёб! Ты не помогаешь, от тебя толку хуй да маленько! Лучше завались нахуй и сиди с языком в жопе! Сама всё придумаю, – она была очень злой.

– Чего? Иди-ка ты в пизду! Это ты не помогаешь! Только орёшь и истеришь, как баба.

– Я и есть баба, идиот!

– Да, может, мои идеи не самые гениальные, но я иду от обратного, ясно? Чем больше хуйни я наговорю, тем меньше её останется, а значит – верный способ где-то рядом. Я как Томас Эдисон, который перепробовал две тысячи неправильных вариков, когда пытался создать нить накала, а потом пизданул: «Я придумал два штукана галимых тем, которые не канают, – значит, осталось найти одну толковую». Так что сама завали своё поганое ебло и слушай мою хуйню, потому что я – Томас Эдисон, а ты – тупая пиздящая сука!

– Ты долбоёб! – закричала Лена. На секунду мне даже показалось, что мы с ней сейчас подерёмся. – Томас Эдисон изобрёл радио! А ты-то что изобрёл?

– Ха-ха-ха-ха, – я истерично рассмеялся.

Может, Эдисон и стоял у истоков изобретения радио, но Лена этого явно не знала, и от этого было вдвойне смешно, потому что она даже не поняла, что сейчас ляпнула. Это примерно как «Ну рисуй, рисуй, Моцарт!». Объяснять, кто что и когда изобрёл, было не время. Да и к чему, когда ей похуй, а я понятия не имею.

– А я, знаешь, изобрёл такую пиздатуую хуйню, – сказал я, – название, правда, пока не придумал, но аппарат уже запатентовал, и моё изобретение всюду тестируется и работает без сбоев. Это такой прибор, который помогает людям не захуячивать ни в чём не повинных старушек! – прокричал я последние несколько слов. – И кстати, я до хуя изобрёл таких приборов, которые, например, помогают не употреблять наркоту, не заниматься всякой залупой, да и вообще – не быть мудаками и тупыми суками вроде тебя с твоим мужем! Жалко, я его Васе не догадался дать потестить.

– Дебил! – сказала Лена.

Мы замолчали.

– Ну? – снова спросила она через какое-то время. – Ещё варианты будут?

– Адекватные?

– Любые, – похоже, она смирилась с моими нетривиальными идеями и была готова выслушать все.

– Нет! – не стал я её обнадеживать. – Разве что подкинуть бабке Васину наркоту, если она у него ещё осталась, и ска-

зять скорой, что Зинаида, как её там, Григорьевна пришла какая-то странная, проблевалась, а через какое-то время совсем отъехала. С намёком на то, что бабуля была наркоманкой, – сказал я без задней мысли первое, что взбрело в голову.

– Кстати, а ведь это может сработать...

– Что? Ты что, решишься это всё замутить? Это же мерзко!

– Конечно, лучше вспороть ей брюхо или насрать в рот! – ответила Лена. – Либо идём все вместе в тюрьму за убийство и за хранение и распространение наркотиков.

– Выбор небогатый. Только с момента, как она умерла, прошло минут сорок пять или даже час, – я совсем потерялся во времени. – Как вы объясните скорой, что позвонили спустя час, как она отъехала?

– Мы с мужем отмечали годовщину, дома была только она и ребёнок! Мы только что пришли и увидели, – придумала Лена всё, чего не хватало моей версии.

Она тут же позвонила Васе и позвала его домой, попросив по дороге купить какого-нибудь бұхача.

– Я сейчас раздену мелкую и быстро её покормлю, а вы пока приберитесь тут, положите Зинаиду Григорьевну на диван и верните всё, как было. И вытащите из пола сраный шприц, пока об него никто не споткнулся, – дала Лена свои указания, когда Вася и Дима зашли в квартиру.

Через пять минут мы закончили и собрали совет. Конечно

же, с речью выступала хозяйка квартиры:

– Серёжа и Дима – свидетели. Вы были нашими гостями на годовщине. А сейчас чтоб быстро выдули всё бухло вместе с Васей.

– Бля, как я удачно зашёл, – обрадовался Дима.

– Ага, – кивнул я, – разве что бабку не дали выебать.

– Ха-ха, – Дима засмеялся.

– Я пить не буду. Я мог на вашем празднике и соком наебениться, – сказал я.

– Хорошо, тогда и я типа пила сок, – согласилась Лена.

В целом версия была такой: если нас с Димой спросят, мы скажем, где мы были с Васей и Леной, сколько просидели, что делали и когда и где разошлись. Чтоб мусора не пошли спрашивать в какое-то определённое место были ли мы там, мы типа просто бродили по городу и сидели на разных скамейках – такое вот гоп-отмечание годовщины свадьбы. Зинаида Григорьевна пришла с опозданием и вела себя странно, но молодые родители не придали этому значения и оставили её с ребёнком. А когда вернулись с посиделок с друзьями, обнаружили, что бабушка лежит на их диване уже мёртвая. Ну и когда менты начнут осматривать тело и шарить по её карманам, они найдут наркоту и будет понятно, почему она была странной, а стала мёртвой.

Выяснилось, что у Васи ещё осталось очень до хуя запретных веществ, и старушка из обычной пенсионерки мигом превратилась в серьёзного гангстера-наркодилера, во

что мне слабо верилось. Наркоты было так много, что можно было рядом положить меня и тоже сделать мёртвым наркодилером, а потом устроить всё так, будто мы друг друга завалили из-за каких-то разногласий, которые обычно возникают между пенсионерками и маргиналами вроде меня.

– Ну не могло же у неё быть столько всего! – пытался я оправдать бабушку.

– Он прав, – кивнула Лена, – нельзя перебарщивать.

– Что не влезло – мне, – тут же подсуетился Дима, – за молчание.

– Щас, блядь, пизды получишь за молчание! – рявкнула на него Лена. – Тебе и так уже хватает.

– Да лан те, я же шучу. Откуда в тебе столько агрессии, Ленуль?

– Последние несколько минут Дима с Васей гуляли с вашей дочкой, их ведь могли видеть условные соседи, – сказал я Лене. – Нестыкончик.

– Хуйня, – ответил Дима. – Это ещё надо доказать. Я тоже много кого где видел и хули?

– Хули – в Туле, а мы в проёбе, – огрызнулся я.

– Вроде всё, – сказал Вася.

– Ты что, правда думаешь, что это сканает? – обратился я к Лене. – У Васи судимость, у Димы судимость, кто им поверит в то, что бабка сама закинулась лизером и отъехала? – сомневался я в нашем плане.

– Не знаю, это же твоя идея, – напомнила мне Лена.

– И поэтому, если она обосрётся, чтоб я, блядь, не был крайним, я тебя предупредил.

– Я найду что сказать скорой и мусорам, не переживай, – Лена была уверена в положительном исходе.

– Когда мы были в девятом классе, – решил вставить я лирическое отступление, – я опоздал на химию с компашкой двоечников, а учительница сказала, что была обо мне лучшего мнения, и спросила, как же это я докатился до того, что связался с такой серой массой. Когда я ответил, что не считаю эту массу серой, она заставила меня стоять у двери и мусорного ведра весь урок, а весь класс, кстати, вместе с той самой «серой массой» проходили новую тему. Теперь я понимаю, что она была права.

Наступило неловкое молчание.

– Мне похуй, кто там кого кем считает, – резко ответил Дима.

– А кто у вас химию вёл, Колба? – уточнил Вася.

– Ха-ха, блядь, я её помню, какая же она была ебанутая! – затараторил Дима. – Колба, блядь! Надеюсь, она уже сдохла, сука! Такую хуйню несла постоянно, так бы и уебал ей, пизда компотная!

– М-да, – я вздохнул. – Раз мы всё продумали и обсудили, полагаю, мы с Димой больше не нужны? Ну или хотя бы я.

– Да, валите, а я пошла вызывать скорую, – ответила Лена.

Мы с Димой оделись и вышли из квартиры.

– Ни хуя себе я зарулил на огонёк, – сказал Дима. – Было

весело.

– Ну уж кому как, – ответил я.

– Ты домой?

– Да.

– Давай, братан, а я пока тут аккуратно поторчу, может, чего разнюхаю.

– Ты про кокос?

– Ха-ха-ха, – засмеялся Дима, – а это как повезёт.

Я вернулся домой и весь вечер прождал звонка от ментов, но мне никто не позвонил. Даже Вася. Самому звонить не хотелось. Может, их уже повязали, и я сам влезу в ещё более невероятную и конкретную залупу.

На следующий день я увидел Васю с Леной в окно. Они гуляли во дворе с дочкой, будто с ними вчера ничего не случилось. Я быстро оделся и вышел.

– Дарова. Ну чего?

– Привет, Сергуня! – Вася был спокоен, как удав.

– Чем всё закончилось? Мне вообще никто не позвонил.

Вы как, в порядке?

– Прикинь, приехали мусора, Лена расплакалась, закатила истерику и напиздела им, что бабуля пришла вмазанная и вся хуйня. Они посмотрели на труп и тут же её узнали. Сказали, что она работала на закладках и они за ней давно следили.

– Да ну нахуй! – не поверил я. – «Бабушка на час» была

закладчицей?

– Отвечаю, мы сами охуели. А ты боялся, что я ей много насовал.

Я перевёл взгляд на Лену, она закивала.

– И что теперь?

– Ничего. Сама вмазалась своим товаром и отъехала, – сказал Вася. – Классика.

– А как ты вернёшь проёбанную наркоту?

– Разберусь как-нибудь. Чего я, первый раз, что ли, товар скидываю? – Вася улыбался.

– Выходит, ты убрал конкурента? – подвёл я итог.

– Получается, так.

– Ясно.

– Хы-хы, – засмеялся Вася. – Ништяк же всё само собой разрулилось, скажи.

– И не говори, – кивнул я.

– Ещё раз благодар тебе за идею, круто придумал.

– М-да, Василий. Как был ты Клитором, так им и остался, – сказал я ему и повернулся к Лене. – И ты тоже Клитор!

Лена ничего не ответила, только хмыкнула и покрутила пальцем у виска, я развернулся и пошёл домой. Конечно, хотелось ещё добавить что-нибудь типа «И пиздюк ваш растёт Клитором», но это было бы чересчур. Тем более я с их дочкой даже не был знаком. Да и Лена бы распизделась, а слушать лишний раз её вопли – нахуй нужно.

– Серёнь, ты чё, обиделся, что ли, братик? – закричал мне

в спину Вася. – Да лан тебе, всё же само собой выкрутилось. Сержик!.. Ну чё ты как этот, дядька?

Я не оборачиваясь поднял правую руку вверх и показал им средний палец, после чего зашёл в подъезд.

У лифта я столкнулся с соседкой-пенсионеркой. Я не знал, как её зовут и с какого она этажа, но видел неоднократно. Всегда считал, что она похожа на мою совесть. Мы прошли в лифт.

– Вам какой? – вежливо спросил я, намереваясь нажать на кнопку с цифрой её этажа.

Бабушка повернулась ко мне и посмотрела на меня осуждающим взглядом, будто знала обо мне что-то такое, чего не знал о себе даже я. Что-то пиздец какое гадкое и мерзкое. Она смотрела на меня этим взглядом ровно две секунды, но мне показалось, что прошло не меньше часа, я столько стыда испытал, охуеть можно. После чего она повернулась ко мне спиной и нажала на кнопку с цифрой «четыре».

© Серёжа В. Павловский